

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Александрийский шейх и его невольники, стр. 2

Так и вернулись они домой, и с приезда по сей день шейх ведет все ту же жизнь, что сейчас, ибо он скорбит по сыну, и он прав. Разве, когда он ест и пьет, он не думает: «А мой сынок Кайрам, может быть, томится голодом и жаждой»? А когда он облачается в дорожные шали и праздничные одежды, как того требуют его сан и достоинство, разве он не думает: «А ему, верно, нечем прикрыть наготу»? А когда его окружают певцы, плясуны и чтецы, – его невольники, – разве он не думает: «А мой бедный сын, верно, сейчас пляшет или играет в угоду своему франкскому повелителю»? Но больше всего печалит его мысль, что вдали от отчизны, среди неверных, терпя их насмешки, его милый Кайрам позабудет веру отцов и им не придется обнять друг друга в райских садах! Вот потому-то он так милосерд к своим рабам и щедро оделяет нищих; он думает, что Аллах воздаст ему за это и смягчит сердца франков, повелителей его сына, и они будут ласковее к нему. И каждый раз, как наступает день, когда у него похитили сына, он отпускает на волю двенадцать рабов.

– Об этом я тоже слышал, – ответил писец. – Но каких только чудес не наговорят? О его сыне при этом не упоминали, зато, правда, рассказывают, будто шейх странный человек и особенно падок на сказки, будто каждый год он устраивает состязание между своими рабами и того, чей рассказ лучше, отпускает на волю.

– Не верьте людской молве, – сказал старик, – все так, как я говорю, я уж верно знаю; возможно, что в этот печальный день ему хочется приободриться и он велит рассказывать себе сказки; но отпускает он рабов в память сына. Однако свежее, мне пора. Салем-алейкум, мир с вами, молодые люди, и в будущем судите получше о нашем добром шейхе.

Юноши поблагодарили старика за сведения, еще раз взглянули на скорбящего отца и пошли своей дорогой, повторяя: «Да, не хотелось бы мне быть на месте Али-Бану».

Вскоре после того, как юноши разговаривали со стариком о шейхе Али-Бану, случилось им проходить по той же улице в час утренней молитвы. Им вспомнился старик и его рассказ, и они пожалели шейха и взглянули на его дом. Но каково же было их удивление, когда они увидели, что весь дворец разубран на славу! На кровле, по которой прохаживались нарядные невольницы, развевались знамена и флаги, сени утопали в дорогих коврах, с широких ступеней спускались шелковые ткани, даже улицу устилало прекрасное тонкое сукно, на которое многие позарились бы для праздничной одежды или для покрывала.

– Ишь как переменялся шейх за несколько дней! – сказал молодой писец. – Уж не хочет ли он задать пир? Уж не хочет ли он, чтоб потрудились для него певцы и танцовщики? Посмотрите только на ковры! Пожалуй, ни у кого во всей Александрии не сыскать таких! А сукно-то какое на голой земле, просто даже жалко!

– Знаешь, что я думаю? – молвил другой. – Он, верно, ждет знатного гостя. Такие приготовления делаются по случаю приема повелителя могущественной страны или эфенди султана, когда они осчастливливают дом своим посещением. Кого-то ждут здесь сегодня?

– Смотри-ка, кто это там идет, – уж не наш ли старик? Он ведь все знает и, верно, нам все растолкует. Эй, старичок! Нельзя ли вас попросить на минутку сюда! – окликнули они его; старик заметил их знаки и подошел, признав в них тех юношей, с которыми беседовал несколько дней тому назад. Они обратили его внимание на приготовления в доме шейха и спросили, не знает ли он, какого знатного гостя там ожидают.

– Вы думаете, Али-Бану задает сегодня веселый пир или знатный гость оказал честь его дому? Это не так, – сказал он, – но сегодня, как вы знаете, двенадцатый день месяца рамадана, а в этот день увели в заложники его сына.

– Но, клянусь бородой пророка! – воскликнул один из юношей. – Все убрано так, словно здесь свадьба и пиршество, а ведь это для него памятный день скорби. Как это понять? Согласитесь, у шейха все-таки несколько помутился рассудок.

– Не судите ли вы по-прежнему слишком поспешно, мой молодой друг? – улыбаясь, спросил старик. – И на этот раз стрела у вас острая и хорошо отточенная тетива на луке натянута туго, и все же вы бьете далеко мимо цели. Знайте же – сегодня шейх ждет своего сына.

– Так он найден? – воскликнули юноши и обрадовались за отца.

– Нет, и, верно, еще долго не будет найден, но знайте: лет восемь – десять тому назад, когда шейх в скорби и печали справлял этот день, по своему обычаю, – отпускал рабов и кормил и поил нищих, – случилось ему послать пищу и питье одному дервишу, в изнеможении прилежавшему в тени его дома. А дервиш этот был святым человеком, прорицателем и звездочетом. Подкрепившись от щедрот милостивого шейха, он приблизился к нему и сказал: «Мне известна причина твоего горя; ведь сегодня двенадцатое число месяца рамадана, а в этот день ты лишился сына. Но утешься, день скорби превратится для тебя в день ликования, знай: в этот день вернется к тебе сын». Так сказал дервиш. Усомниться в речах такого человека было бы грехом для мусульманина. Правда, скорбь Али не утихла, но все же каждый раз в этот день он ожидает возвращения сына и украшает дом, сени и лестницы так, словно тот может вернуться в любую минуту.

– Чудеса! – воскликнул писец. – А все-таки хотелось бы мне поглядеть на великолепное убранство и на шейха, как он грустит среди всего этого великолепия, но, главное, хотелось бы мне послушать рассказы его невольников.

– Нет ничего легче, – ответил старик. – Надсмотрщик над его рабами с давних пор мне приятель и всегда в этот день устраивает мне местечко в зале, где, в толпе слуг и друзей шейха, один человек пройдет незамеченным.

Я поговорю с ним, может быть, он впустит и вас. Вас ведь всего четверо; думаю, как-нибудь устроим; приходите в девятом часу сюда на площадь, и я передам вам его ответ.

Так говорил старик; юноши поблагодарили его и удалились, снедаемые любопытством посмотреть, как будет шейх справлять этот день.

К назначенному часу они пришли на площадь перед домом шейха и встретили старика, тот сказал, что надсмотрщик над рабами позволил провести их. Он пошел вперед, но не по богато устланным лестницам и не через главные ворота, а через боковую калиточку, которую тщательно запер за собой. Потом он повел их по разным галереям, и наконец они попали в большую залу. Здесь было полно народу: тут были и именитые мужи в богатых одеждах, и друзья шейха, пришедшие утешить его в его скорби, тут были и невольники разного возраста и разных народностей. И у всех на лице была печаль, ибо они любили своего господина и скорбели вместе с ним. В конце залы на роскошном диване восседали самые знатные друзья Али, и невольники прислуживали им. Около них на полу сидел шейх: скорбя по сыне, он не хотел сидеть на праздничном ковре. Он подпер голову рукой и, казалось, мало внимал словам утешения, которые нашептывали ему друзья. Напротив него сидели несколько старых и молодых мужчин в невольничьей одежде. Старик поведал своим юным друзьям, что это рабы, которых сегодня отпускает на волю Али-Бану. Среди них было и несколько франков, и старик обратил особое внимание юношей на одного из них, отличавшегося писаной красотой и еще очень молодого. Всего несколько дней тому назад шейх купил его у тунисского работоторговца за большие деньги и, однако, уже сегодня отпускал его на волю: он верил, что чем больше франков отправит он обратно на родину, тем скорее вызволит пророк из неволи его сына.

После того как всем разнесли прохладительные напитки, шейх подал знак надсмотрщику над рабами. Тот поднялся, и в зале воцарилась глубокая тишина. Он стал перед невольниками, которых должны были отпустить на свободу, и громко произнес:

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) >> [Дальше](#)